

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К РАЗРАБОТКЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРАТЕГИЙ В РОССИИ И МИРЕ¹

**Комаров В.М., Акимова В.В.,
Коцюбинский В.А., Земцов С.П.²**

Аннотация

В статье обсуждаются вопросы построения перспективной методологии разработки долгосрочных стратегий в России. Проведен ценностно-содержательный сравнительный анализ долгосрочных стратегий в России и на Западе по следующим критериям: декларируемые ценности, понимание прогрессивности, место и роль стратегий в обществе, содержательное наполнение, индикаторы. Продемонстрировано существенное отличие отечественных и зарубежных документов. Так, ключевой направленностью стратегий развитых стран является человеко-ориентированное развитие, создание среды равных возможностей, в которой каждый житель сможет максимально реализовать свой потенциал. В России стратегии более ориентированы на достижение показателей вышестоящих документов и формальное соответствие их положениям и требованиям законодательства. Основопологающее различие заключается в совершенно другом подходе к пониманию прогресса. В стратегиях развитых стран прогресс – это устойчивое разви-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

² *Комаров Владимир Михайлович* – кандидат экономических наук, директор, Центр стратегий регионального развития, Институт прикладных экономических исследований, РАНХиГС. Адрес: 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82; руководитель стратегической группы, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 107078, Москва, пр. Академика Сахарова, 12. E-mail: komarov-vm@ranepa.ru

Акимова Варвара Владимировна – кандидат географических наук, научный сотрудник, географический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова. Адрес: 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1; научный сотрудник, Центр стратегий регионального развития, Институт прикладных экономических исследований, РАНХиГС. Адрес: 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82. E-mail: varvaraakimova1576@gmail.com

Коцюбинский Владимир Алексеевич – кандидат экономических наук, начальник отдела стратегического планирования, Московский машиностроительный завод «АВАНГАРД». Адрес: 125130, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 33. E-mail: kva@mmza.ru

Земцов Степан Петрович – кандидат географических наук, директор, Центр экономической географии и регионалистики, Институт прикладных экономических исследований, РАНХиГС. Адрес: 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82. E-mail: spzemtsov@gmail.com

тие, повышение качества жизни, поддержание жизнеспособности экосистем и создание среды для раскрытия человеческого потенциала, во многих российских – это, преимущественно, экономический рост, развитие промышленности и привлечение инвестиций. Отсюда и расхождения в наборе показателей, качестве и составе структурных блоков, ключевых инструментах разработки, ее особенностях и т.д. Показано, что перспективная методология стратегического планирования в России может основываться на эколого-ориентированном (исследовательская программа экологической экономики) и человеко-ориентированном подходах, а также интегрировать современные инструменты прямой демократии. Данная методология была применена авторами при подготовке стратегий социально-экономического развития российских регионов и городов за последние годы и показала востребованность запроса на смену парадигмы – от экономического роста к «подлинному человеческому благополучию».

Ключевые слова: стратегическое планирование; стратегии социально-экономического развития; устойчивое развитие; эколого-ориентированное развитие; человеко-ориентированное развитие; экологическая экономика; гуманистический подход.

Введение

Вопрос о связи экономической теории и практики, о перспективных подходах к разработке стратегий долгосрочного развития стран, регионов и городов часто обсуждается в экономической литературе (Полтерович, 2017; Ананьин и др., 2008; Замятина, Пилясов, 2017; Rodrik, 2017). Согласно мнению академика В. Полтеровича, «до сих пор экономическая наука не смогла предложить достаточно общую и убедительную методологию проектирования стратегий, обеспечивающих рост общественного благосостояния». Одна из ключевых причин этого – формирование стратегий правящей элитой на основе доминирующей идеологии, а не научного подхода (Полтерович, 2017, с. 56).

В целом в дискуссиях о перспективной методологии стратегического планирования можно выделить два ключевых вопроса: вопрос возможностей и ограничений собственно экономической науки и вопрос идеологии, соотношения нормативного и позитивного анализа ценностных установок.

Наш практический опыт разработки стратегий долгосрочного развития, а также проведенный ниже анализ современных лучших практик на Западе показывает, что современные стратегии не разрабатываются только экономистами. Более того, они не являются экономическими и не решают задачи исключительно обеспечения экономического роста, как того требует ортодоксальная экономическая наука – неоклассическое основное течение. Многие стратегии долгосрочного развития на Западе, по нашему мнению, междисциплинарные, многокомпонентные и интегральные: они основываются на знаниях и инструментах всех наук, которые могут быть полезны для выработки рекомендаций. Стратегии охватывают широкую повестку развития и связаны с решением задач устойчивого развития (долгосрочная устойчивость с точки зрения ресурсов) и жизнестойкости (краткосрочная

устойчивость к шокам). Экономическая проблематика выступает одной из приоритетных, но не главной, поэтому и роль ученого-экономиста в разработке стратегии сопоставима, например, с ролью эколога, урбаниста или другого отраслевого специалиста.

Если ортодоксальная экономическая наука, как указывает академик Полтерович, «не смогла предложить убедительную методологию» разработки стратегий, то возможным выводом является использование иных методов и подходов, прежде всего, более общих – в рамках которых экономика была бы частным случаем более целостного взгляда (например, концепции устойчивого развития или исследовательской программы экологической экономики).

Если перейти к рассмотрению проблемы идеологии, то, по нашему мнению, многие зарубежные стратегии устойчивого развития служат примером явно идеологических документов. Большинство из них выражают консолидированное представление общества, бизнеса и власти о том, какое развитие является желательным (прогрессивным), они открыто декларируют ценности устойчивого развития.

Цель данной работы – провести ценностно-содержательный анализ стратегий долгосрочного развития в России и на Западе, выявить черты лучших мировых практик и на этой основе сформулировать перспективные методологические подходы к стратегированию.

Критерии для сравнительного анализа

В результате изучения существующих в литературе подходов к анализу, сравнению и оценке качества стратегий долгосрочного развития стало ясно, что подавляющее большинство подходов исходят из авторского понимания характеристик «идеальной» или «эталонной» стратегии (Волошинская, 2019), служащей ориентиром, лучшим образцом, с которым и происходит сравнение.

Более предпочтительной может считаться, например, такая стратегия, которая более «реалистична и амбициозна» (Жихаревич, Прибышин, 2014) или «реалистична и уникальна» (Климанов и др., 2017, с. 120). Наиболее близка к эталону та стратегия, которая приближена к эталонным характеристикам авторской методики оценки качества стратегий или разработана по «идеальной», с точки зрения авторов, методике (Жихаревич, Прибышин, 2019; Селивестров, Мельникова, 2011).

Подобные субъективные подходы к оценке качества стратегий еще раз демонстрируют тезис о невозможности обеспечения свободы от влияния ценностей и субъективного взгляда при решении качественных проблем. Известный рецепт Гуннара Мюрдала заключается не в том, чтобы стараться скрывать ценности при проведении анализа, а, напротив, в том, чтобы смело «заявить о них в самом начале анализа», сформировать свои ценностные предпосылки (Блаут, 2004, с. 202).

Какие стратегии могут считаться приближенными к эталонным? По нашему мнению, более предпочтительны те стратегии, которые, во-первых, разработаны в городах, регионах или странах, являющихся лидерами с точ-

ки зрения обеспечения благополучия граждан или занимающих лидирующие позиции в мировых рейтингах качества жизни. Безусловно, высокое качество развития может быть связано с успешными траекториями предшествующих этапов, развитыми демократическими институтами, в том числе инструментами общественного контроля и независимыми СМИ. Это же при прочих равных условиях может свидетельствовать в пользу того, что в данных документах используются более прогрессивные меры и проведен учет допущенных ранее ошибок. При этом не обязательно рассматривать исключительно версии действующих стратегических документов, важно применение исторического подхода – анализ стратегий и заложенных в них решений, с помощью которых те или иные территории стали лидерами качества жизни.

Во-вторых, предпочтительными будут те стратегии, в которых явно декларируются ценности и смыслы и которые как публичные документы учитывают предпочтения избирателей и открыто о них заявляют. Поскольку главный адресат стратегии – общество, то стратегия и не должна выглядеть как абстрактный научный труд, претендующий на объективную истину. Она призвана объяснять научно-популярным языком предложенные меры и решения, консолидируя общество вокруг общих целей.

В-третьих, это те стратегии, которые являются междисциплинарными, т.е. интегрируют знания из разных областей наук: не только экономики, но и географии, урбанистики, экологии, транспортного планирования и проч., являясь плюралистичными по своей сути. Это соображение особенно важно в условиях экономического империализма (Блауг, 2004; Lazear, 2000), когда доминирующее неоклассическое течение, выражающее ценности рациональности, индивидуализма и др., вторгается в другие области как «чистая наука», «преподнося себя в духе позитивистских стандартов, максимально очищенной от ценностных и идеологических моментов объективным пониманием и объяснением реальности» (Филатов, 2012, с. 159).

Соответственно, те методологические принципы и ценностные ориентиры, которые лежат в основе данных более «предпочтительных стратегий», также являются более предпочтительными. Сумма лучших практик подобных стратегий позволит нам описать общие контуры эталонной с нашей точки зрения стратегии. Понимание, анализ и последующее обобщение методологических принципов, на которых основаны предпочтительные стратегии, помогут нам сформировать существенные характеристики «идеальной» стратегии и сформулировать перспективную методологию стратегирования.

Для разработки методологических принципов подготовки документов стратегического планирования нами были проанализированы стратегии долгосрочного развития «широкой повестки» (т.е. наиболее высокоуровневые, интегральные, обобщающие, навигационные, рамочные и проч.) ведущих стран, регионов и городов мира, а также отдельные лучшие практики стратегий второго уровня. Важно отметить, что большинство зарубежных стратегий «широкой повестки», где формируются основные цели перспективного развития, являются стратегиями устойчивого развития, интегри-

рующими вопросы не только, как в России, социально-экономического развития, но и экологического. Данные стратегии основаны на «Повестке дня XXI века», принятой ООН в 1992 г., и наиболее распространены в странах ЕС (European Union, 2019, pp. 24–27).

Экологическая проблематика, которая является неотъемлемой для концепции устойчивого развития, предусмотрена для включения в отечественные стратегии согласно Методическим рекомендациям Минэкономразвития России³ (раздел «Рациональное природопользование»), а также входит в число приоритетных национальных проектов согласно Майскому указу 2018 г. Именно стратегии социально-экономического развития в России (в том числе Майские указы как их форма) и стратегии устойчивого развития на Западе служат теми документами, которые отражают понимание «прогрессивности» развития и формулируют долгосрочные стратегические цели, поэтому, собственно, и возможно их прямое сравнение.

Мы изучили около 50 «обобщающих» стратегий стран, регионов и городов мира и отдельные лучшие практики отраслевых стратегий «второго уровня», в том числе:

- стратегии развития городов – лидеров мировых рейтингов качества жизни (в том числе Вены, Нью-Йорка, Берлина, Аделаиды⁴);
- национальные долгосрочные стратегии устойчивого развития стран – лидеров социально-экономического развития (Сингапур, Германия⁵ и др.);
- отдельные региональные стратегии (в том числе: региона Веллингтон, Уэльса⁶);
- отдельные отраслевые стратегии Лондона, Вены, Северной Ирландии⁷ и др.

Анализ российских стратегий был основан на стратегиях социально-экономического развития регионов (79 стратегий) и крупнейших городов (перспективных центров экономического роста, перспективных минерально-сы-

³ Минэкономразвития России, приказ от 23 марта 2017 г. N 132 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации».

⁴ План развития Вены до 2025 г. (STEP 2025 Urban Development Plan 2025, VIENNA, 2014). Стратегия развития Нью-Йорка (OneNYC: The Plan for a Strong and Just City, 2015). Концепция городского развития Берлина до 2030 г. (Сенат Берлина, Berlin Strategy Urban Development Concept Berlin 2030, 2015 Senate Department for Urban Development and the Environment, 78 p.).

⁵ План устойчивого развития Сингапура (Our Home. Our Environment. Our Future. Sustainable Singapore Blueprint, Singapore Ministry of the Environment and Water Resources, Ministry of National Development, 2015). Стратегия устойчивого развития Германии до 2030 г. (German Sustainable Development Strategy 2016, The Federal Government).

⁶ Веллингтонская региональная стратегия 2012 г.: построение устойчивой экономики (Wellington Regional Strategy 2012 г.: Growing a Sustainable economy, 2012). Закон о благосостоянии будущих поколений Уэльса 2015 г. (Well-being of Future Generations (Wales) Act 2015).

⁷ Транспортная стратегия мэра Лондона до 2041 г. (Mayor's Transport Strategy, Greater London Authority, March 2018, 163 p.). Стратегия умного города Вены (Совет города Вены, Smart City Wien Framework Strategy, 2014). Стратегия пространственного развития Лондона (The London Plan. The Spatial Development Strategy for London, March 2016, Greater London Authority). Стратегия регионального развития Северной Ирландии: строим лучшее будущее (Regional Development Strategy 2025: Building a Better Future, Northern Ireland, 2010).

рьевых и агропромышленных центров), утвержденных после принятия Федерального закона N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Также в число рассмотренных документов вошли национальные стратегии: «КДР 2020», «Стратегия 2020» и Майские указы Президента Российской Федерации 2012 и 2018 гг. Таким образом, мы рассматривали только интегральные, обобщающие стратегии долгосрочного развития по всей ключевой повестке развития (стратегии «широкой повестки») без учета многочисленных отраслевых и ведомственных документов, доктрин, документов в сфере национальной безопасности и т.д.

Для проведения ценностно-содержательного анализа стратегий и их сопоставления использовались следующие основные критерии:

- ценностные: декларируемые ценности; понимание прогресса; место и роль стратегии в обществе;
- содержательные: содержательное наполнение и индикаторы.

Ценностно-содержательный анализ стратегий долгосрочного развития России и Запада

Декларируемые ценности, представления об «идеальной стратегии»

Стратегии развитых западных стран концептуально объединены вокруг идей, связанных с развитием человеческого потенциала каждого гражданина, в центре стратегий – человек, его потребности и возможности для самореализации. Поэтому мы можем назвать данные документы «гуманистическими», «человеко-ориентированными» или социально-ориентированными. Речь может идти о «подлинном человеческом благополучии», ценности каждой человеческой жизни, удовлетворенности жизнью (Sen, 1999; Easterlin, 2005). При этом учитываются все составляющие понятия «качество жизни», в том числе ценность досуга или «третьего места» (Oldenburg, 2000), качество труда (Landry, 2006), экосистемные услуги (Daily, 1997), городская среда (Gehl, 2010) и другие традиционно неэкономические аспекты.

В России на этапе разработки стратегий, как правило, декларируются ценности и принципы, аналогичные стратегиям Запада. Однако в ходе межведомственного согласования частой является ситуация, когда наиболее инициативные и решительные меры, предложенные, в том числе, жителями и экспертами в ходе разработки, выхолащиваются из текста как несоответствующие законодательству, выходящие за рамки полномочий властей или просто по причине нежелания отдельных департаментов менять привычные политики (эффект колеи). В этой связи «идеальная стратегия» для многих региональных и муниципальных администраций в России – это нередко стратегия, лишь формально учитывающая положения нормативно-правовой базы и стратегий более высокого уровня, которым она должна соответствовать, транслируя их формулировки и призывы («повышение конкурентоспособности», «рост качества жизни», «внедрение инноваций» и т.д.). Это позволяет бюрократическому аппарату «брать на себя минимум ответственности» (Белановский и др., 2016, с. 74), но приводит к «планиро-

ванию ради планирования» и потере ориентации на главного бенефициара стратегий – общество.

Несмотря на отдельные примеры открытого декларирования ценностей⁸, для многих регионов и муниципалитетов на первый план выходит задача именно принять документ: анализ публичных заявлений представителей администраций показал, что они чаще упоминают о факте принятия стратегии или ее наличии, нежели об основном содержании документа. Фактически, в ряде случаев, формальное наличие документа и представляет главную ценность.

Понимание прогрессивности, идеология, миссия и главная цель

Зарубежные стратегии концептуально объединены вокруг идей устойчивого (экологически-ориентированного) развития, которые часто отражаются в миссии или видении («процветающая зеленая экономика», «справедливое общество» и проч.) или подразумеваются по умолчанию. Речь идет не о решении краткосрочных задач, а об учете всех ключевых компонент, необходимых для обеспечения долгосрочной устойчивости: технологической, социальной, институциональной, градостроительной и проч. Устойчивость выступает априорным ценностным ориентиром и выражает консолидированное понимание прогрессивности развития обществом, властью и бизнесом.

В отечественных стратегиях аналогичной идеей является развитие экономики: город или регион фактически рассматриваются по аналогии с крупной фирмой, задача властей – обеспечить эффективность ее функционирования, рост инвестиций и доходов бюджета. Предполагается, что достижение более высоких темпов роста промышленности и инвестиций является прогрессивным («хорошим», «желательным») и отождествляется с понятием «развитие». Вероятно, такой подход связан с достаточно низким уровнем жизни российских регионов и городов по сравнению с зарубежными лидерами рейтингов качества жизни – на первый план выходит именно уровень дохода и рабочие места, а сбалансированное и устойчивое развитие – это задачи «будущих поколений».

Содержательно стратегии часто сводятся к перечислению крупных строек за счет бюджетных и внебюджетных средств. Предполагается, что раз эти проекты выгодны для инвестора (или соинвестора в случае государственно-частного или муниципально-частного партнерства), то они автоматически полезны для общества, т.е. выгоды от их реализации будут больше возможного экологического, градостроительного и прочих видов ущерба, который не оценивается. Также не всегда оцениваются будущие бюджетные расходы на их содержание (например, аэропорта, стадиона или дорожной развязки) и варианты альтернативного использования бюджетных средств.

⁸ См., например, выжимки из проекта «Стратегии развития России на 2018–2024 гг.». Формулировки разделов носят ярко выраженный ценностный оттенок: «Важен каждый», «Страна возможностей», «Защита и справедливость». См.: Центр стратегических разработок (2018). Стратегия развития страны на 2018–2024 гг. URL: <https://strategy.csr.ru/> (дата обращения: 26.01.2021).

Место и роль стратегии в обществе, адресат стратегий

«Гуманистическая» направленность стратегий в развитых зарубежных странах, на наш взгляд, может быть следствием развитости демократических процедур и подотчетности власти перед избирателями. Основной заказчик и адресат стратегий – общество, а стратегия есть инструмент декларации предвыборной программы руководителя. Поэтому стратегии формируются на основе выявления предпочтений «снизу»; активно используются инструменты доказательной экономической политики (оценка воздействия), прямой демократии (опросы населения, стратегические сессии, краудсорсинг) в целях выбора лучших альтернатив развития будущего. Поскольку основной потребитель стратегий – потенциальные избиратели, то стратегии качественно оформлены, используют инфографику, содержат интуитивно понятные меры и объяснения.

Ведомственность и формальность стратегий в России во многом обусловлена тем, что они (хотя и являются по закону основными документами целеполагания) по факту занимают подчиненное положение по отношению к иным обязательствам региональной и муниципальной власти, для которой первично исполнение указов Президента России, участие в государственных программах и крупных федеральных проектах. Иная политика вряд ли возможна в условиях централизации управления, ограниченных бюджетных возможностей и отсутствия бюджета развития особенно у муниципалитетов (Зубаревич, 2019, с. 138).

В результате губернаторы ориентированы на выполнение федеральной повестки и фактически подотчетны перед федеральным центром, мэры – подотчетны перед губернаторами, а стратегия не имеет статуса публичных обязательств власти перед обществом. Поэтому в стратегиях при диагностике ситуации чаще всего отсутствуют разделы, связанные с анализом причин невыполнения предыдущих стратегий: прошлая стратегия забывается, и все начинается с чистого листа. По различным оценкам (Белановский и др., 2016, с. 60), полное угасание фронтальной национальной стратегии не превышает четырех-пяти лет, региональной или муниципальной стратегии, по нашим оценкам, – два-три года.

Содержательное наполнение стратегий: ключевые акценты

Зарубежные стратегии долгосрочного развития органически включают пространственный, транспортный, градостроительный и другие блоки, т.е. ту среду, в которой живет человек. Такой подход – следствие ориентации на учет в стратегиях основных составляющих качества жизни, учета среды обитания человека. В стратегиях активно используются концептуальные разработки в рамках подходов устойчивого города, устойчивой мобильности, транзитно-ориентированного развития, урбанистики (Servero et al., 2017). Речь может идти о формировании человеко-ориентированных и здоровье-ориентированных городских пространств (Vandegrift, Zanoni, 2018), о самоощущении человека в городе и «человеческом масштабе» (Gehl, 2010), об аудите пешеходных маршрутов (Davies, Clark, 2009) и проч.

Существенный акцент в содержании отечественных стратегий сделан на развитии магистральной инфраструктуры для обеспечения потребностей промышленности или на других крупных инфраструктурных стройках (транспортные коридоры для агломераций, особые экономические зоны и территориальные кластеры и др.). Что касается пространственной тематики, то в России она традиционно представлена в схемах территориального развития или генеральных планах. Однако данные документы базируются на другой логике: решают задачи размещения застройки и сопутствующей социальной и транспортной инфраструктуры, исходя из достижения целей по увеличению объемов жилья. Это часто прямо противоречит принципу устойчивого развития территорий или целям, декларируемым в стратегиях развития. Так, согласно генеральному плану Ялты предусматривается удвоение жилой застройки, в то время как стратегия Ялты нацелена на ограничение застройки для остановки деградации природного капитала и сохранения городом статуса приморского климатического курорта (Комаров, Коцюбинский, 2017а).

Индикаторы

Зарубежные стратегии могут включать показатели качества жизни, неравенства, ощущения счастья, инноваций, человеческого капитала, а также альтернативные валовому продукту интегральные индикаторы, например, индекс истинного развития (Talberth et al., 2007), широко используемый в США и Новой Зеландии. Задача индикаторов – показать основные направления устойчивого развития и ключевые сферы, важные для данной территории. Выбор индикаторов отражает понимание желаемого «прогрессивного» состояния в будущем, причем просто рост валового продукта на душу населения не отождествляется с социально-экономическим прогрессом (Kubiszewski et al., 2013; Stiglitz et al., 2009).

В отечественных стратегиях используются традиционные индикаторы, например, рост экономики (ВВП, ВРП, объем промышленного производства и проч.), рост продолжительности жизни и т.п. При этом они в значительной степени зависят от внешних неуправляемых факторов, конъюнктуры или «эффекта базы», а следовательно, не в полной мере могут характеризовать реальные усилия властей.

Часто целевые значения индикаторов экстраполируются из макроэкономических прогнозов на федеральном уровне безотносительно к ресурсным возможностям территории и внутренним факторам ее конкурентоспособности. Кроме того, достижение целевых значений отдельных индикаторов не может свидетельствовать о реальном прогрессе в той или иной сфере. Например, увеличение числа созданных рабочих мест не говорит об их характере (творческие или рутинные), рост среднего уровня доходов на душу населения не свидетельствует о сглаживании неравенства в их распределении, рост объемов вводимых квадратных метров не говорит об улучшении качества жилья или городской среды.

Напротив, стремление к достижению поставленных сверху целей по вводу жилья оборачивается тем, что российские города ухудшают качество го-

родской среды, утрачивая исторические центры и обрастая многоэтажными типовыми микрорайонами. Сложность оценки индикаторов отечественных стратегий связана с тем, что в России даже на самом высоком уровне нет консенсуса относительно первичных целей развития.

Методологические принципы разработки стратегий

Проведенный качественный анализ показывает, что стратегии развития в России и развитых странах концептуально различны. основополагающее различие, являющееся, по сути, точкой бифуркации, от которой российские и зарубежные стратегические документы концептуально расходятся, заключается в выборе между альтернативами: «как учесть положения вышестоящего стратегического документа» или «что делать в интересах людей». Для российских стратегий ориентация на общество часто является имитационной, главный адресат и заказчик – контролирующий орган.

Безусловно, данные выводы являются субъективными и «усредненными», характеризуют общую ситуацию в целом. По нашему мнению, существенное различие стратегических документов проходит по следующим блокам: устойчивое развитие, человеко-ориентированность и адресность. Эти параметры позволили нам сформировать собственные методологические подходы к разработке стратегий – условное «твердое ядро» в терминологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса.

Принцип эколого-ориентированности. Эколого-ориентированный подход означает использование методологического аппарата и научно-исследовательской программы экологической экономики и рассмотрение города или региона как отдельной экосистемы (экономика «космического корабля»). Ключевые работы, заложившие основы современной экологической экономики, появляются в 1960-х и 1970-х гг. (Georgescu-Roegen, 1971; Boulding, 1978) как противовес основному течению в рассмотрении роли природного капитала, равенства поколений на рынке и возможности долгосрочной устойчивости.

Экологическая экономика структурно является более обобщенной концепцией, включающей ортодоксальную экономику – основное течение экономической мысли (в том числе экономику природопользования) как частный случай, применимый в условиях «пустого мира», когда границы хозяйственной деятельности ничтожно малы в сравнении с границами природы и природой можно пренебречь, рассматривая природный капитал как фактор производства.

Неоклассическая теория с точки зрения исследовательской программы экологической экономики справедлива только для экономики «пустого мира» (когда границы экономики вплотную приблизились к конечным границам биосферы, в экономике «полного мира» работают другие принципы и другие подходы) (Daly, 2007). Экономическая система всецело зависит от природных экосистем, природный капитал является отдельным фактором, создает экосистемные услуги и не служит субститутом с физическим

капиталом, который бесполезен в случае деградации природного (там же). Любой процесс производства приводит к росту отходов (принцип деградации), росту энтропии объединенной системы «экономика-природа», а значит, принципиальной невозможности устойчивости (Georgescu-Roegen, 1971, p. 303). Точка зрения ортодоксальных теорий роста и экономики природопользования характеризуется как «нестрогая устойчивость» в противовес «строгой устойчивости» экологических экономистов (Turner, 1993, pp. 9–15).

Принципиальные тезисы экологической экономики, в том числе о не-взаимозаменяемости природного и физического капитала, о типичности нерентабельного, создающего больше «антиблаг», чем благ, экономического роста, о неравенстве будущих поколений в рыночной экономике, которые не предъявляют сегодня платежеспособный спрос и т.д., могут быть продемонстрированы при разработке стратегий территорий с уникальными (курорты) или нарушенными экосистемами (промышленные центры).

Например, данный подход был использован при разработке стратегии Большой Ялты и концепции развития Южного берега Крыма. В качестве ключевой цели декларировалось сохранение природного капитала и уникальных экосистем как формирующих оздоровительный микроклимат и сам статус климатического курорта. Как основная угроза рассматривалось гипертрофированное развитие строительной отрасли: изменение природных экосистем меняет климатические характеристики местности и приводит к утрате оздоровительных свойств и потере курортной специализации (Комаров, Коцюбинский, 2017б). В свою очередь, при разработке стратегий промышленных центров – Тольятти и Камской агломерации – было выявлено, что фактор нарушенных экосистем является причиной потери регионами человеческого капитала за счет отъезда населения. Это подтверждает тезис о не-взаимозаменяемости природного и физического капиталов.

Эколого-экономический подход при разработке стратегий позволяет использовать следующие инструменты и методы:

1. Поиск и реализация проектов с так называемой комплексной эффективностью (одновременно экологической, экономической и социальной). Решается оптимизационная задача – обеспечить продвижение по одному или нескольким параметрам, не ухудшив состояние других, при этом учитываются положительные и отрицательные внешние эффекты от управляющего воздействия. Типичные примеры с комплексной эффективностью – создание линий скоростного трамвая или системы велодорожек, что обеспечивает одновременно социальную, экологическую и экономическую эффективность.
2. Поиск и реализация проектов, направленных на интернализацию отрицательных внешних эффектов и минимизацию входящих и исходящих метаболических потоков на локальном уровне, т.е. потребления ресурсов и генерации отходов. Фактически это рассмотрение территории как «живого организма», стремящегося продлить существование и не засорять окружающую среду отходами собственной жизнедеятельности. Типичные примеры: запрет пластика и бионеразлагаемой упаковки.

Принцип человеко-ориентированности. Человеко-ориентированный (или «гуманистический», «человеко-размерный») подход означает принципиально иной взгляд на разработку стратегии – холистический или интегральный – в отношении всей совокупности человеческих потребностей как единого целого. Речь идет об «экосистеме человеческой жизни» или об объединенной системе «человек-город», «человек-улица», «человек-среда». Фактически рассматривается контекст повседневной жизни человека: та среда, к которой он сопричастен, с которой взаимодействует и которая создает для него систему стимулов к творчеству и самореализации. Это может быть общественный транспорт, путь домой, общественные пространства, социум и проч. При этом учитывается комплексное влияние среды на благополучие и человеческую жизнь. Например, насколько застройка соразмерна человеческому масштабу и вызывает чувство защищенности, как планировка улиц развивает местные сообщества, как общественный транспорт снижает неравенство и укрепляет социальные связи и проч. Подобный взгляд учитывает современное прочтение прогресса (субъективное ощущение счастья, благополучие), включающее внеэкономические факторы и не сводящееся к материализму.

Кроме того, человеко-ориентированный подход учитывает роль местных сообществ как носителей коллективного интеллекта о направлениях развития территорий, позволяет открыто говорить о духовно-нравственных ценностях, важных для данных сообществ. В целом в человеко-размерном подходе, по нашему мнению, делается четкое различие между ростом (количественное увеличение объема производства) и развитием (качественные улучшения). Среди инструментов для реализации данного подхода назовем:

- расширенный блок индикаторов для оценки «подлинного человеческого благополучия» и оценки созданных условий для самореализации;
- городские эксперименты, как, например, аудит пешеходных маршрутов, позволяющие оценить человеко-ориентированность среды.

Принцип «демократического соавторства». Принцип «демократического соавторства» предполагает применение инструментов прямой демократии как способа использования коллективного интеллекта граждан (именно население является носителем уникальных знаний о специфике территорий) при разработке стратегий, в том числе это следующие инструменты:

- интернет-опросы в форме выбора альтернативных вариантов с указанием положительных и отрицательных последствий каждого из вариантов (это позволяет оценивать внешние эффекты);
- специальный опрос жителей для определения того альтернативного варианта желаемого образа будущего, который жители считают «прогрессивным», и выявления соответствующих этому образу будущего ценностей;
- полевые исследования и глубинные интервью со «случайным жителем» с целью выявления уникального потенциала и специфических деталей, учета внеэкономических факторов (ценности, настроение, менталитет) (краеведы, историки, лидеры общественного мнения, представители науки и образования и др.);

- проведение стратегических сессий; формирование проектных команд из числа экспертов, власти и всех желающих для выработки решений по принципу «20–80» (20% усилий для достижения 80% результата);
- использование краудсорсинга для привлечения непрофессионалов к решению профессиональных задач.

Заключение

Результаты ценностно-содержательного анализа долгосрочных стратегий в России и на Западе свидетельствуют о существенных различиях в подходах. Многие стратегии в России концептуально соответствуют стратегиям развитых стран периода 1970-х гг. (до начала массового экологического движения), когда на первое место выходило обеспечение высокого уровня жизни (Carson, 1962). С достижением определенного уровня доходов на душу населения люди стали предъявлять больше требований в области экологии, досуга, качества городской среды, произошел постепенный переход от парадигмы экономического роста к парадигме устойчивого развития и роста качества жизни. Вероятно, что в России также случится подобное изменение ценностных ориентиров в развитии территорий, причем во многих регионах и городах изменение ориентиров, по нашему мнению, уже имеет место.

Методологические подходы к разработке стратегий (исследовательская программа экологической экономики, человеко-ориентированный подход и прямая демократия), описанные выше, были применены нами при разработке стратегий городов и регионов России, в том числе Ялты, Симферополя, Керчи, Тольятти, Курской области, Республики Карелия и многих других⁹. Их апробация показала высокую востребованность у населения подобной смены парадигмы – от экономического роста к «подлинному человеческому благополучию», которая произошла на Западе и отражена в зарубежных стратегиях. Переход в Российской Федерации от разработки стратегии социально-экономического развития, акцентирующей внимание на экономике, к интегральным и обобщающим стратегиям устойчивого развития, основанным на предложенной методологии, – один из способов ускорить данную тенденцию.

⁹ См. подробнее: Комаров В.М. Как «стратегии развития» защищают интересы рядовых граждан // ИА REGNUM. 8 марта 2019 года, интервью. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2583266.html> (дата обращения: 08.02.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьин О.И., Кошовец О.Б., Одинцова А.В. и др. Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / отв. Ред. О.И. Ананьин. – М.: Наука, 2008.
2. Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Комаров В.М. и др. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. – М.: Центр стратегических разработок, 2016.
3. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. – М.: НИП «Журнал Вопросы экономики», 2004.
4. Волошинская А.А. Оценка качества стратегий социально-экономического развития: как выбрать лучший подход? // Экономические стратегии. – 2019. – № 8. – С. 2–7.
5. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Апробация подходов к изучению содержания муниципальных стратегий // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 82. – Т. 2. – С. 216–234.
6. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Стратегии развития городов: российская практика 2014–2019 гг. // Пространственная экономика. – 2019. – № 15. – Т. 4. – С. 184–204.
7. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Региональный консалтинг: приглашение к творчеству. Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня. – СПб.: Маматов, 2017.
8. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145.
9. Климанов В., Будаева К., Чернышова Н. Промежуточные итоги стратегического планирования в регионах России // Экономическая политика. – 2017. – № 12. – Т. 5. – С. 104–127.
10. Комаров В.М., Коцюбинский В.А. Забористый Генплан. Почему Ялта может навсегда потерять статус курорта // Лента.ру. – 20 мая. – 2017а. URL: https://lenta.ru/articles/2017/05/20/rip_yalta/ (дата обращения: 29.09.2020).
11. Комаров В.М., Коцюбинский В.А. Проект Концепции создания федерального курортного центра Южного берега Крыма «Всероссийская здравница». – Центр стратегий регионального развития ИПЭИ РАНХиГС, 2017б. URL: <https://www.ganepa.ru/images/News/2018-06/05-06-2018-4-krym-conception.pdf> (дата обращения: 29.09.2020).
12. Полтерович В.М. Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – № 35. – Т. 3. – С. 198–206.
13. Селиверстов В.Е., Мельникова Л.В. Анализ состояния стратегического планирования в регионах Сибирского федерального округа // Регион: Экономика и Социология. – 2011. – № 3. – С. 3–21.
14. Филатов И.В. Идеологии и ценности в экономической науке // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2012. – № 17. – С. 153–161.

15. Boulding K.E. *Ecodynamics: a new theory of societal evolution*. Sage Publications, Beverly Hills, CA. 1978.
16. Carson R. *Silent spring*. Houghton Mifflin. 1962.
17. Cervero R., Guerra E., Al S. *Beyond Mobility: Planning Cities for People and Places*. Island Press/Center for Resource Economics, Washington DC. 2017.
18. Daily G.C. *Nature's Services: Societal Dependence on Natural Ecosystems*. Island Press, Washington DC. 1997.
19. Daly H.E. *Ecological Economics and Sustainable Development: Selected Essays of Herman Daly*. Edward Elgar Publishing Limited. 2007.
20. Davies A., Clark S. Identifying and prioritising walking investment through the PERS audit tool. *Walk 21 Proceedings, 10th International Conference for Walking*. New York, USA. 2009.
21. Easterlin R.A. Building a Better Theory of Well-Being (ed. L. Bruni, P.L. Porta). In: *Economics and happiness: framing the analysis*. Oxford University Press Inc., New York. 2015. P. 29–64.
22. European Union. *Europe's approach to implementing the Sustainable Development Goals: good practices and the way forward*. European Union. 2019.
23. Gehl J. *Cities for people*. Washington, DC, Island Press. 2010.
24. Georgescu-Roegen N. *The Entropy Law and the Economic Process*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts. 1971.
25. Kubiszewski I., Costanza R., Franco C. et al. Beyond GDP: Measuring and achieving global genuine progress // *Ecological Economics*. 2013. No. 93. P. 57–68.
26. Landry C. *The creative city: A toolkit for urban innovators*. Earthscan Publications, London. 2000.
27. Lazear E.P. Economic Imperialism // *Quarterly Journal of Economics*. 2000. Vol. 115. No. 1. P. 99–146.
28. Oldenburg R. *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. Marlowe & Company, New York. 1991.
29. Rodrik D. *Economics Rules. The Rights and Wrongs of the Dismal Science*. W.W. Norton & Company, New York, London. 2017.
30. Sen A. *Development as Freedom*. Oxford University Press, New York. 1999.
31. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the commission on the measurement of economic performance and social progress. *Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*, Paris. 2009.
32. Talberth J., Cobb C., Slattery N. *The genuine progress indicator: A tool for sustainable development*. Redefining Progress, Oakland, CA. 2007.
33. Turner R.K. Sustainability: Principles and Practice. In: Turner R. K. (ed.) *Sustainable Environmental Economics and Management: Principles and Practice*. Belhaven Press, London. 1993. P. 3–36.
34. Vandegrift D., Zanoni N. An economic analysis of complete streets policies // *Landscape and Urban Planning*. 2018. No. 171. P. 88–97.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT APPROACHES TO LONG-TERM GOVERNMENT STRATEGIES IN RUSSIA AND IN THE WORLD¹⁰

Vladimir M. Komarov

Ph.D. (in Economics), Director, Centre for Strategies of Regional Development, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Strategic Group Leader, Analytical Center for the Government of the Russian Federation.
Address: 12 Akademika Sakharova Av., 107078 Moscow, Russian Federation.
E-mail: komarov-vm@ranepa.ru

Varvara V. Akimova

Ph.D. (in Geography), Research Fellow, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow, Centre for Strategies of Regional Development, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
Address: 82 Vernadsky Av., 119571 Moscow, Russian Federation.
E-mail: varvaraakimova1576@gmail.com

Vladimir A. Kotsyubinskiy

Ph.D. (in Economics), Head of Strategic Department, Moscow Machine Building Plant «AVANGARD».
Address: 33 Klary Tsetkin Str., 125130 Moscow, Russian Federation.
E-mail: kva@mmza.ru

Stepan Zemtsov

Ph.D. (in Geography), Director, Center for Economic Geography and Regional Studies, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
Address: 82 Vernadsky Av., 119571 Moscow, Russian Federation.
E-mail: spzemtsov@gmail.com

Abstract

The article is dedicated to creating a promising methodology for developing long-term strategies in Russia. A comparative analysis of long-term strategies in Russia and in Western countries was carried out according to the following criteria: declared values, understanding of progressiveness, a place and a role in the society, content, indicators. The essential difference between domestic and foreign documents is demonstrated. Thus, a key focus of foreign strategies is human-oriented development, the creation of an environment of equal opportunities in which each resident will be able to maximize their potential. In Russia strategies are more oriented at achieving indicators of higher documents, full compliance with higher documents and formal provisions of laws. The fundamental distinction is a completely different approach to understand-

¹⁰ The article was prepared as part of the research work of the state assignment of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

ing progress. In the developed countries' strategies the progress is perceived as sustainable development, improving the quality of life, maintaining the vitality of ecosystems and creating an environment for unlocking human potential, in many Russian ones it is seen as economic growth, industrial development and attracting investments at any cost. Such a mismatch leads to the discrepancies in the set of indicators, the quality and composition of structural blocks, key development tools, its nature, etc. It is shown that a promising methodology of strategic planning can be based on an environmentally-oriented (research program of ecological economics) and human-oriented approaches, as well as integrate modern tools of direct democracy. This methodology was used by the authors in designing strategies for the socio-economic development of Russian regions and cities in recent years.

Keywords: strategic planning; strategies for socio-economic development; sustainable development; environmental-oriented development; human-oriented development; ecological economics; humanistic approach.

Citation: Komarov, V.M., Akimova, V.V., Kotsyubinskiy, V.A. & Zemtsov, S.P. (2021). Sravnitel'nyy analiz podkhodov k razrabotke dolgosrochnykh gosudarstvennykh strategiy v Rossii i mire [Comparative Analysis of the Development Approaches to Long-Term Government Strategies in Russia and in the World]. *Public Administration Issues*, no 1, pp. 56–75 (in Russian).

REFERENCES

1. Ananyin, O.I., Koshovets, O.B., Odintsova, A.V. et al. (2008). *Ekonomika kak iskusstvo: metodologicheskie voprosy primeneniya ekonomicheskoy teorii v prikladnykh sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniyakh* [Economics as an Art: Methodological Issues of the Application of Economic Theory in Applied Socio-Economic Research]. Ed. O.I. Ananyin. Moscow: Nauka.
2. Belanovsky, S.A., Dmitriev, M.E., Komarov, V.M. et al. (2016). *Analiz faktorov realizatsii dokumentov strategicheskogo planirovaniya verhnego urovnya* [Analysis of Factors for the Implementation of Top-Level Strategic Planning Documents]. Moscow: Center for Strategic Research.
3. Blaug, M. (2004). *Metodologiya ekonomicheskoy nauki, ili kak ekonomisty obyasnyayut* [Methodology of Economic Science, or How Economists Explain]. Translated from English. B.C. Avtonomova (ed.). Moscow: NP Journal of Economics.
4. Boulding, K.E. (1978). *Ecodynamics: A New Theory of Societal Evolution*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.
5. Carson, R. (1962). *Silent Spring*. Houghton Mifflin.
6. Cervero, R., Guerra, E. & Al, S. (2017). *Beyond Mobility: Planning Cities for People and Places*. Washington DC: Island Press Center for Resource Economics.
7. Daily, G.C. (1997). *Nature's Services: Societal Dependence on Natural Ecosystems*. Washington DC: Island Press.

8. Daly, H.E. (2007). *Ecological Economics and Sustainable Development Selected Essays of Herman Daly*. Edward Elgar Publishing Limited.
9. Davies A. & Clark, S. (2009). Identifying and Prioritising Walking Investment through the PERS Audit Tool. *Walk 21 Proceedings, 10th International Conference for Walking*. New York, USA.
10. Easterlin, R.A. (2005). Building a Better Theory of Well-Being. In: L.Bruni, P.L. Porta (eds). *Economics and Happiness: Framing the Analysis*. New York: Oxford University Press Inc., pp. 29–64.
11. European Union (2019). *Europe's Approach to Implementing the Sustainable Development Goals: Good Practices and the Way Forward*. European Union.
12. Filatov, I.V. (2012). Ideologii i tsennosti v ekonomicheskoy nauke [Ideologies and Values in Economic Science]. *RGGU BULLETIN. Series Economics. Management. Law*, no 17, pp. 153–161.
13. Gehl, J. (2010). *Cities for People*. Washington, DC: Island Press.
14. Georgescu-Roegen, N. (1971). *The Entropy Law and the Economic Process*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
15. Klimanov, V., Budaeva, K. & Chernyshova, N. (2017). Promezhutochnye itogi strategicheskogo planirovaniya v regionah Rossii [Interim Results of Strategic Planning in the Regions of Russia]. *Ekonomicheskaya politika*, vol. 12, no 5, pp. 104–127.
16. Komarov, V.M. & Kotsyubinskiy, V.A. (2017a). Pochemu Yalta mozhet navsegda poteryat' status kurorta [Why Yalta Can Forever Lose the Status of a Resort]. *Lenta.ru*. May 20. Available at: https://lenta.ru/articles/2017/05/20/rip_yalta/ (accessed: 29 September 2020).
17. Komarov, V.M. & Kotsyubinskiy, V.A. (2017b). *Proekt Konceptsiya sozdaniya federal'nogo kurortnogo tsentra Juzhnogo berega Kryma «Vserossiyskaya zdravnitsa»* [The Concept of Creating a Federal Resort Center of the Southern Coast of Crimea "All-Russian Health Resort" (Project)]. Center for Regional Development Strategies, IPEI RANEP. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/News/2018-06/05-06-2018-4-krym-conception.pdf> (accessed: 29 September 2020).
18. Kubiszewski, I., Costanza, R., Franco, C. et al. (2013). Beyond GDP: Measuring and Achieving Global Genuine Progress. *Ecological Economics*, no 93, pp. 57–68.
19. Landry, C. (2000). *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. London: Earthscan Publications.
20. Lazear, E.P. (2000). Economic Imperialism. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 115, no 1, pp. 99–146.
21. Oldenburg, R. (1991). *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. New York: Marlowe & Company.
22. Polterovich, V.M. (2017). Razrabotka strategiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya [Designing Strategies for Socio-economic Development: Science vs Ideology]. *Journal of the New Economic Association*, vol. 35, no 3, pp. 198–206.
23. Rodrik, D. (2017). *Economics Rules. The Rights and Wrongs of the Dismal Science*. New York; London: W.W. Norton & Company.
24. Seliverstov, V.E. & Melnikova, L.V. (2011). Analiz sostoyaniya strategicheskogo planirovaniya v regionakh Sibirskogo federal'nogo okruga [Analysis of the Strategic Planning Status in the Regions of the Siberian Federal District]. *Region: Economics and Sociology*, no 3, pp. 3–21.

25. Sen, A. (1999). *Development as Freedom*. New York: Oxford University Press.
26. Stiglitz, J., Sen, A. & Fitoussi, J.-P. (2009). *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Paris: Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress.
27. Talberth, J., Cobb, C. & Slattery, N. (2007). *The Genuine Progress Indicator: A Tool for Sustainable Development*. Oakland, CA: Redefining Progress.
28. Turner, R.K. (1993). Sustainability: Principles and Practice. In: Turner R.K. (ed.) *Sustainable Environmental Economics and Management: Principles and Practice*. London: Belhaven Press, pp. 3–36.
29. Vandegrift, D. & Zanoni, N. (2018). An Economic Analysis of Complete Streets Policies. *Landscape and Urban Planning*, no 171, pp. 88–97.
30. Voloshinskaya, A.A. (2019). Otsenka kachestva strategiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: kak vybrat' luchshiy podkhod? [Assessing the Quality of Socio-economic Development Strategies: How to Choose the Best Approach?]. *Economic strategies*, no 8, pp. 2–7.
31. Zamyatina, N.Yu. & Pilyasov, A.N. (2017). *Regional'nyj konsalting: priglashenie k tvorchestvu. Opyt razrabotki dokumentov strategicheskogo planirovaniya regional'nogo i munitsipal'nogo urovnya* [Regional Consulting: An Invitation to Creativity. Experience in Developing Strategic Planning Documents at the Regional and Municipal Levels]. St. Petersburg: Mamatov.
32. Zhikharevich, B.S. & Pribyshin, T.K. (2014). Aprobatsiya podkhodov k izucheniyu soderzhaniya munitsipal'nykh strategiy [Approbation of Approaches to the Study of the Content of Municipal Strategies]. *Region: Economics and Sociology*, vol. 82, no 2, pp. 216–234.
33. Zhikharevich, B.S. & Pribyshin, T.K. (2019). Strategii razvitiya gorodov: rossiyskaya praktika 2014–2019 [Urban Development Strategies: Russian Practice 2014–2019]. *Spatial Economics*, vol. 15, no 4, pp. 184–204.
34. Zubarevich, N.V. (2019). Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrumenty [Spatial Development Strategy: Priorities and Tools]. *Voprosy Ekonomiki*, no 1, pp. 135–145.